

М. С. Доброва

<https://orcid.org/0000-0001-6106-8453>

✉ mar1006@yandex.ru

Университет им. Ф. Палацкого
(Чешская Республика, Оломоуц)

СПОСОБЫ ЭВФЕМИЗАЦИИ РУССКОЙ ОБЩЕННОЙ ЛЕКСИКИ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА

Аннотация. Современная русская коммуникативная ситуация находится под влиянием нескольких тенденций, среди которых жаргонизация и демократизация нормы, повлиявшие в том числе на определенную растабуированность обценного и нецензурного в речи. Одним из ярких и уникальных явлений современной коммуникации становится виртуальное общение. Виртуальная коммуникация, характеризующаяся экспрессивностью и анонимностью, отражает значительную популярность использования бранных и нецензурных выражений, которые в связи с письменным характером своего воплощения требуют новых способов вуалирования их непечатного вида. В связи с этим в сетевой коммуникации начинают использоваться параграфемные, фонографические и эрративные приемы эвфемизации матизмов. В статье рассматриваются подобные новые способы эвфемизации русской обценной лексики, функционирующей в коммуникативном пространстве интернета. Материалом статьи послужили контексты, полученные методом сплошной выборки из текстов постов и комментариев на форумах, в «Живом журнале», социальных сетях и т. п. Проведенный анализ продемонстрировал не только многообразие новых способов эвфемизации нецензурного в Сети, но и креативность, адаптивность языковых явлений к потребностям социума, а также тесную связь экспрессивности обценной лексики с дискурсивными чертами самого интернета.

Ключевые слова: обценная лексика, бранная лексика, мат, эвфемизация, обценнизм, эвфемизм, интернет-дискурс, коммуникация, современный русский язык

Для цитирования: Доброва М. С. Способы эвфемизации русской обценной лексики в коммуникативном пространстве интернета // Шаги/Steps. Т. 11. № 1. 2025. С. 221–231.

Поступило 22 марта 2024 г.; принято 20 января 2025 г.

M. S. Dobrova

<https://orcid.org/0000-0001-6106-8453>
✉ mar1006@yandex.ru

F. Palacky University
(Czech Republic, Olomouc)

WAYS OF EUPHEMIZING RUSSIAN PROFANITY IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF THE INTERNET

Abstract. The modern Russian communicative situation is influenced by several trends, including jargonization and democratization of norms, which have influenced, among other things, a degree of loosening the taboo on obscene and profane in speech. One of the striking and unique phenomena of modern communication is virtual communication. Virtual communication, characterized by expressiveness and anonymity, manifests considerable popularity of the use of profanity and obscene expressions: these, due to the written nature of their embodiment, require new ways of veiling their unprintable form. Because of this, paragraphemic, phonographic and errative methods of euphemizing obscenities are beginning to be used in online communication. The article considers such new ways of euphemizing Russian obscene vocabulary in the communicative space of the Internet. The material for the article came from contexts obtained by the method of continuous sampling from texts of Internet communication: posts and comments on forums, Live Journal, social networks, and others. Our analysis demonstrates not only the variety of ways of paragraphemic and phonographic euphemization of the obscene on the Web, but also the creativity and adaptability of language phenomena to the needs of society, as well as the close connection between the expressiveness of obscene vocabulary and the discursive features of the Internet itself.

Keywords: swear words, obscene vocabulary, Russian profanity, euphemization, obscenism, euphemism, Internet discourse, communication, modern Russian language

To cite this article: Dobrova, M. S. (2025). Ways of euphemizing Russian profanity in the communicative space of the Internet. *Shagi / Steps*, 11(1), 221–231. (In Russian).

Received March 22, 2024; accepted January 20, 2025

Анонимный и разговорный характер интернет-коммуникации является причиной бросающегося в глаза всем пользователям Сети избытка бранной и нецензурной лексики и фразеологии во всем ее дисфемистическом многообразии. Безусловно, популярность и широкая употребимость обсценизмов в современной русской речи не связана с появлением интернета и существовала всегда, а столь массивное письменное воплощение сквернословия отражает в первую очередь тенденции к демократизации и жаргонизации русской речи рубежа веков [Доброва 2019: 163]. Популярность бранной и нецензурной лексики и фразеологии в русской речевой ситуации последних тридцати лет отражает и массив научной литературы по данной теме, начавшей издаваться главным образом с конца XX в. (см., например: [Успенский 1996; Мокиенко, Никитина 2004; 2008; Жельвис 1997; Яковенко 2000; Михайлин 2000; Ермакова 2001]). О том, что вся «современная коммуникативная ситуация характеризуется повсеместностью и некой беззастенчивостью употребления обсценной лексики» [Максимова, Высоцкая 2023: 240], пишет большинство исследователей русской речи рубежа XX–XXI вв. [Мокиенко 1994; Ковшова 2007; Химик 2004]. При этом, безусловно, именно в виртуальной среде, отличающейся анонимностью, экспрессивностью и общей стилистической сниженностью, широчайший репертуар русской грубой и нецензурной лексики и фразеологии, бывший до появления интернет-коммуникации спутником преимущественно устной речи, впервые в таком масштабе получает свою письменную фиксацию [Доброва 2019: 232]. Но письменная форма табуированных бранных слов и выражений в виртуальном общении часто вынуждает и не особо связанного «языковыми приличиями» участника коммуникации «набрасывать» на них некую маскирующую «вуаль». В связи с этим особую роль приобретает эвфемистическая (а также дисфемистическая) функция языковых единиц, выделяемая, например, в работах [Баранов, Добровольский 2007; Доброва 2019; Ковшова 2007].

Важно отметить, что в языке процессы эвфемизации и дисфемизации ученые определяют как различные, противоположенные, направленные соответственно на смягчение или огрубление языкового выражения, а в сетевой коммуникации на первое место выходят их сложные взаимные пересечения, в том числе в связи с неогенным и креативным характером самого интернет-дискурса. Наличие и распространение в сетевой коммуникации обсценных слов наблюдаются в плоскости сложных интеракций двух противостоящих коммуникативно-функциональных «векторов» сетевого дискурса: тенденции к эвфемизации, отражающей необходимость смягчения грубых бранных выражений, и тенденции к дисфемизации, связанной с разговорным характером виртуальной коммуникации, с ее вульгаризированностью и демократичностью [Доброва 2021: 37–38]. Такая ситуация характерна не только для онлайн-дискурса, но и для политического и медиадискурса, для русской речевой ситуации в целом, однако в сетевой коммуникации она обозначена особой активностью и приоб-

ретают чрезвычайно интересные для исследователя формы. Настоящее исследование выполнено на материале, полученном методом сплошной выборки из текстов «классической» интернет-коммуникации, т. е. из постов и комментариев на форумах, в «Живом журнале», социальных сетях и т. п. Все примеры из интернета приводятся с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

В интернет-дискурсе, объединяющем в качестве конститутивных признаков одновременно приватность и публичность, активно актуализируются различные «виды» эвфемизмов. Например, здесь массово функционируют «традиционные», отмечаемые различными словарями эвфемизмы обцененной лексики (и фразеологии) типа *звиздец*, *ёшкин кот*, *ядрёна вошь*, *ёж твою медь*, *ядрёна мать* и мн. др. Способы сделать матизмы относительно «пригодными» для обыденной речи не новы: когда говорят *блин*, *ёперный театр* или *ёж твою мышь*, носители прекрасно понимают, какие выражения имеются в виду. Указания на слова, относящиеся к сфере телесного низа, сексуальные отношения, своеобразно облачаются в относительно приличный «дресс-код», и такая их языковая «одежда» узнаваема и адресантом, и адресатом речи. Подобная подмена неприличного слова иным, исходящая из необходимости сохранить общую экспрессию, осуществляется по нескольким каналам и невероятно креативна, но всегда содержит какой-то знак, маркер нецензурного слова: фонетический, морфологический или синтаксический (начальный [j] — *ёшкин кот*), «знаковые» звуковые маркеры (*блин*, *хрен по деревне*), общую синтаксическую модель (*ангидрид твою перекись водорода*), двучленную рифмовку в сочетании с использованием слова-эха (*ёк-макарёк*) и т. п. Такая подмена вписывается в понятие эвфемизации и в широкий спектр ее языковых реализаций и действительно «смягчает», при этом удерживая связь с исходным узнаваемым неприличным выражением.

Однако в центре нашего внимания оказалась не классическая эвфемизация как подмена неприличного слова иным, выходящая из необходимости сохранить общую экспрессию при уменьшении грубости выражения, без использования обцененных слов. Речь в статье пойдет о своеобразной «редукции» грубости нецензурного слова или выражения путем изменения его фонографической и начертательной формы с использованием параграфемных средств. Такого рода эвфемизмы занимают особое место: они, в отличие от других типов эвфемизации, не улучшают и не облагораживают значения денотата, а лишь формально «камуфлируют», визуально маскируют неприличное слово и позволяют донести до адресата эмоциональное состояние адресанта, а само выражение выполняет функцию эвфемизма vs дисфемизма лишь опосредованно, поскольку его стигматизация не меняется.

Несмотря на ограниченную область употребления (главным образом это письменная речь), фонографические и параграфемные эвфемизмы позволяют адресанту «на клавиатуре» выразить свое отношение к чему-либо и продемонстрировать эмоции (гнев, обиду, возмущение, несоглас-

сие, негодование, восторг и т. п.), а адресату — идентифицировать его состояние. На материале русского языка и фонографические, и параграфемные эвфемизмы (и дисфемизмы) сегодня остаются малоизученной группой (см. например: [Сергиенко 2018; Ковшова 2007; Доброва 2019; Доброва 2021]) и открывают для исследователя широкое поле возможностей. Отметим и первые попытки лексикографической фиксации подобным образом завуалированных выражений в словарях [Сеничкина 2008; Доброва 2020].

Развитие интернет-коммуникации дало толчок к возникновению большого количества окказиональных фонографических эвфемизмов, которые приобретают самостоятельность, независимость от их «творца», предлагая адресатам соответствующее прочтение текстовых сообщений. Они не отражают намерения адресанта выражаться благопристойно, но все же возникают с учетом определенных «языковых приличий».

К особой группе надо отнести следующие системные приемы создания фонографических эвфемизмов (некоторые из них М. Л. Ковшова предлагает считать фактами частичной эвфемизации, которая лишь в какой-то степени маскирует грубость высказывания [Ковшова 2007: 123–124]). В их составе обнаруживаются:

1) факты пропуска середины слова и замены ее в письменной форме (вне зависимости от количества пропущенных букв) одной точкой: «Вы как бы заведомо не х.й в стакане» (Livejournal, 19.07.2020), двумя точками: «Да. Ну и че, на х..й» (Livejournal, 21.07.2020), тремя точками: «Но в этот раз речь идет уже совсем о другом явлении, я даже затрудняюсь его назвать — “здравому смыслу вопреки”, хотя классическое выражение “да по-х...й” как-то лучше вписывается» (Livejournal, 20.07.2020). Пользователи сетей обозначают пропущенный сегмент и иными знаками раскладки клавиатуры: астериском (звездочкой): «Прямо как Бред Пит из Большого Куша (хотя х*й знает на каком наречии он там говорил)» (Livejournal, 23.07.2020), знаком решетки (хеша): «...и да — вместо фарма на бокса — х#й вам, вот такой))» (Playground.ru, 24.07.2018), знаком «собачки»: «Подумаешь, какой-то х@й дольше меня на свете живет» (Livejournal, 16.07.2017); «Нам п@здец...» (Livejournal, 22.07.2017), знаком «процент»: «Навроде тех, когда человек набивает себе слово, условно, “х%й”, будучи убежденным, что это, например, “жизнь”» (Livejournal, 09.07.2017), восклицательным знаком: «П!зда правит миром поэтому в этом мире все херово» (Livejournal, 09.07.2017), знаком дефиса: «П-здец, — вслух сказал губернатор. А вот это про меня» (Livejournal, 15.07.2017), в некоторых случаях двумя знаками одновременно: «...все, п#@здец, можно выливать» (Livejournal, 16.06.2017);

2) случаи усечения начала слова: «Смотрит результаты обследования и может прочитать по его губам “здец”» (Livejournal, 17.06.2017) или обозначения усеченного слога графическими знаками астериска: «Не удивляет, что нам до сих пор не **здец?» (Livejournal,

05.07.2017); «Шел бы ты на *уй, педрила!» (Livejournal, 21.07.2017) или «собачки»: «Это @здец что там творится» (Livejournal, 22.07.2017);

3) случаи графически не маркированного усечения конца слова: «Чё ты выпучился бл! падла сутулая!!» (Livejournal, 23.07.2017) или замены усеченной части астериском: «Бл*, шубы наденьте! И галстуки» (Livejournal, 22.07.2017);

4) случаи камуфлирования слова обращением начальной и конечной буквы: «Наконец то ходил на йух. Давно советовали, тут так просторно и забавно» (Livejournal, 02.10.2019), иногда сопровождаемого языковой игрой: «Камуфляжная футболка Птицы летят на йух (артикул: 3004) Поспеши» (Fatline, 12.11.2020), ср. «птицы летят на юг»;

5) обнаружены и факты фонографической эвфемизации всей предложно-падежной конструкции ругательства: «А что там у других за порогом — п*х*й!» (Livejournal, 18.07.2017).

Справедливости ради стоит отметить, что проблема исследования данных приемов и подобной графической эвфемизации обценных выражений связана не только с их употреблением в устно-письменной стихии интернета, но и с попыткой упорядочения лингвистических норм фиксации ненормативных выражений (и их возможной эвфемизации) в юридических документах (см., например: [Шульгина 2020; Голев 2005]).

К отдельной группе синкопированных фонографических эвфемизмов относится «завуалированное» обозначение ругательства путем стяжения всего выражения до начальных букв его составляющих в виде аббревиатуры: *ETM* (варианты: *етм*, *ЁТМ*, *ётм*): «Ну что я могу сказать? я могу сказать только слово из трех слов: ЁТМ и другое, точно такое же. И третье тоже. Только матом, причем трехэтажным можно покрыть все увиденное! Других слов я не нахожу» (Livejournal, 09.11.2020); «Но это легко говорить, а вытравить из себя замшелое “женщина должна быть с длиииииинными волосами” (кому должна, ётм?!» (Livejournal, 26.10.2020); *XЗ* или *АХЗ* (от нецензурного выражения (а) *x[...]*¹ *знает*): «Дербанул свой стуканувший движок, хз с чего он застучал есичестно. Первый цилиндр давайдосвидания» (Livejournal, 09.11.2020); «Умер комп! Насмерть умер!! Когда теперь новый куплю — ахз!» (Livejournal, 09.11.2020). Частотны в интернет-коммуникации и сокращения типа *пзц* и *збс* (от нецензурных *n[...]* *ец* и *зае[...]* *ись* соответственно): «Это смотреть можно только по безнадеге. Пзц куда катиться Мир» (Playground.ru, 10.03.2023); «Клип доставляет и песня збс» (Reactor.cc, 26.10.2020).

Еще один пример языкового креатива в изобретении графической «вуали» для неприличного выражения в виде вполне безобидного математического числа *п* или латинского *j*: «Когда ушло напряжение от игры и во взгляде появилось больше спокойствия, кому-то с улицы,

¹ В связи с законодательным запретом употребления нецензурной лексики в СМИ редакция заменяет в таких словах один или несколько знаков соответствующим числом точек в квадратных скобках. — *Примеч. ред.*

похоже, опять что-то там показалось. И я услышал возглас (далеко не первый за последние дни): “3,14дор”. Ну что я могу сказать» (Livejournal, 11.11.2020); «Американец проживший в России 10 лет так и не понял, почему хуJово — это плохо, а 3,14здато — это хорошо, но ещё больше он не понял почему охуJенно — это лучше 3,14здатого, а 3,14здец — хуже хуJового!» (Otvet.mail.ru, 11.11.2020).

Особое место в эвфемизации бранной лексики и фразеологии в интернет-дискурсе принадлежит эрративам. Под эрративом традиционно понимается слово или выражение, возникшее вследствие «нарочитого грубого искажения стандартного написания слова и его последующей микрогрупповой канонизации в качестве утрированно-исправленного и иногда фиктивно приспособленного к реальному произношению» [Гусейнов 2005]. Термин *эрративный* обычно применяется к сознательным играм с языком и характеризует такие интернет-явления, как язык падонков, кашенитов, олбанский язык и др. Эрративные эвфемизмы зародились не только как попытка несколько замаскировать брань при передаче бранных элементов в виртуальной коммуникации, но и, безусловно, как элемент общей сетевой языковой креативности. Эвфемизация обсценной лексики и фразеологии здесь происходит также за счет «орфоарта» и параграфемных элементов, но сами эти выражения начинают носить системный характер (*песда, первопах, пилядь, билядь, блеадь* и т. д.), а многие подобные выражения начинают фиксироваться и словарями, например: [Доброва 2020; Доброва 2022]: «Я вот понять не могу, накуя это показывать? <...> Одно хреново, идут все уткнувшись в свои сраные айфоны и никуя кругом не видят» (Livejournal, 09.11.2016); «Мля, как же вы заипали!!!» (Vk.com, 15.09.2007); «В режиме первопаха вы будете писать стартовые комментарии под новыми постами в группе и забирать часть трафика» (Devorigin.ru, 10.10.2020); «Деньги есть — Иван Петрович, Денег нет — песда и своличь» (Livejournal, 04.07.2017); «Но что-то этот малоипущий фактар меня не сильно впечатлил...» (Livejournal, 16.08.2017). Иногда перевод строчных букв бранного слова в заглавные отражает так называемую имитацию крика или громкого голоса в Сети: «В чехле (учитывая, что вел весит ДО 15 кг) — ручная кладь и НИИБЕТ. Для доп страховки — можно взять грузовую декларацию — и совсем НИИБЕТ.... Ниразу» (Livejournal, 16.08.2017); «Вестимо, вата же слепая и думать не умеет от слова НИХ[.]Я» (Livejournal, 27.10.2016). Подобными средствами эрративности происходит и обновление экспрессивности бранной и нецензурной фразеологии: *малое&ущий фактор, малоипущий фактар*, 'о том, что совсем не касается, не волнует кого-л.', *ужос нах* 'выражение ужаса', *ф гавно* 'о состоянии сильного алкогольного опьянения', *вапце убило нах* 'выражение смеха или удивления' и др. [Доброва 2019: 160; Доброва 2020].

В иных случаях заменители возникают в результате двойной транслитерации б[....] → *bljad* → *блджад*: «Этот блог как хроники риддика блджад, че то там обновляется раз в пару лет, но это никому не надо» (Livejournal, 10.08.2020); «Блджад. Напомните мне завтра, пжалста, что

сезон кончился, страховка кончилась и с мотороллера надо снять аккумулятор!» (Livejournal, 04.11.2016), — которые также в некоторых случаях синкопируются: «Паря повеселил с таким постом)) спасибо, поржал от души :D мамкин майнер бл*жад» (Miningclub.ru, 01.05.2018).

Популярен в сетевой коммуникации и особый способ эвфемизации — зачеркивание (литуратив) как «уступка общественному вкусу» и проявление иронии и самоиронии: «Разогрев очень важен даже в таком простом х[-]яее простом деле, как спорт» (Livejournal, 16.03.2017); «Дорогие долбо...бы друзья! Да нах... вы кому сплющились, вас контролировать! Сами! Всё сами, еп!» (Livejournal, 22.02.2018).

Использование подобных эрративных фразеологических эвфемизмов часто сопровождает речь не только представителей субкультурных сообществ, но и «рядовых» пользователей интернета, поскольку в таком случае «коммуникант получает возможность как бы снять с себя часть ответственности за сказанное, перекладывая ее на автора, создавшего текст, на культурную группу, для которой данный текст является прецедентным, на самого адресата, который, опираясь на свои фоновые знания, расшифровал иносказание и извлек из него смысл» [Слышкин 1999: 132].

Популярность подобных графических игр с обценными словами и выражениями отражает и метаязыковая рефлексия самих пользователей интернета по этому поводу: «Или типа п#зда тебе слишком грубо, вл@галище слишком формально, а ки\$ка слишком ванильно?» (Interesnoe.me, 15.01.2024); «Помимо общеизвестного варианта х\$й встречаются также написания х@й, х#й и (реже) х_й. По данным Яндекса, в инфернете [sic!] написание х*й используется примерно в десять раз чаще, чем все остальные вместе взятые. Существует теория о том, что данное слово должно читаться как х[.]й, но интеллигенция и работники сортира в пролетариате признают данных людей еретиками и сжигают заживо в крематории» (Absurdopedia.net, 15.01.2024); «Алсо, ньюфаги используют такие варианты, как “bldjad”, “блждад”, “блджаб”, “блджать”, “бладж”, “блажд”, “блжад”, “блждадж” и даже “блждад”. А самые конченные используют “блджд”!!!!111» (Neolurk.org, 15.01.2024).

Как видим, язык интернета неистощим в своей креативности и адаптивности к потребностям социума и говорящего, а точнее — пишущего пользователя Сети. В какой-то мере идя на уступки «общественному вкусу», пользователи облачают нецензурные слова и выражения в своеобразный эвфемизирующий «тришкин кафтан», но очевидно, что связь обценизмов с древнейшей магией слова (именно с ней они соотносятся в различных видениях их культурно-языковой онтологии) превращает их в своего рода «черные дыры» в языковом пространстве-времени, гравитационное притяжение которых настолько сильно, что покинуть их не могут даже объекты, сознательно графически эвфемизированные (синкопированные и эрративизированные). Обценизмы обладают невероятной энергетикой и даже закрытые «точками» и «астерисками» остаются за границами узуса приличного общения в связи со своей узнаваемостью. При

этом анализ эвфемистических особенностей употребления бранных слов и выражений в сетевой коммуникации отражает не только их многообразие и популярность в современной русской речи, но и их роль в создании самих дискурсивных черт интернета (экспрессивности, открытости, анонимности, креативности и т. д.).

Словари

- Добрава 2020 — *Добрава М.* Так говорят в русском Интернете: Словарь. Оломоуц: Ун-т им. Ф. Палацкого в Оломоуце, 2020.
- Добрава 2022 — *Добрава М.* Словарь новых фразем и коллокаций русского языка. Оломоуц: Ун-т им. Ф. Палацкого в Оломоуце, 2022.
- Ковшова 2007 — *Ковшова М. Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007.
- Мокиенко, Никитина 2004 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы). СПб.: Норинт, 2004
- Мокиенко, Никитина 2008 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Русское сквернословие: Краткий, но выразительный словарь. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
- Сеничкина 2008 — *Сеничкина Е. П.* Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта; Наука, 2008.
- Химик 2004 — *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004.

Литература

- Баранов, Добровольский 2007 — *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Эвфемизация во фразеологии // Хвала и хула в языке и коммуникации: Сб. ст. / Отв. ред. Л. Л. Федорова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2015. С. 187–196.
- Голев 2005 — *Голев Н. Д.* Обсценная лексика в игровом аспекте (на материале русского лингвистического фольклора) // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка: Межвуз. сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. Д. Голев. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 185–223.
- Гусейнов 2005 — *Гусейнов Г.* Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику // Speakrus.ru. 2005. URL: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm.
- Добрава 2019 — *Добрава М.* Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект. Olomouc: Univerzita Palackeho v Olomouci, 2019.
- Добрава 2021 — *Добрава М. С.* Фразеологические дисфемизмы и эвфемизмы в русскоязычном интернет-дискурсе // *Rossica Olomucensia*. Vol. 60. Num. 2. 2021. С. 33–46.
- Ермакова 2001 — *Ермакова А. В.* Русский мат как феномен культуры // Высшее образование в России. 2001. № 3. С. 104–112.
- Жельвис 1997 — *Жельвис В. И.* Поле брани: Сквернословие как социальная проблема. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1997.
- Максимова, Высоцкая 2023 — *Максимова Н. В., Высоцкая И. В.* Обсценная речь в современной коммуникативной ситуации // Коммуникативные исследования. Т. 10. № 2. 2023. С. 239–252. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10\(2\).239-252](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10(2).239-252).
- Михайлин 2000 — *Михайлин В. Ю.* Русский мат как мужской обсценный код: проблема происхождения и эволюция статуса // Новое литературное обозрение. 2000. № 3 (43). С. 347–393.

- Мокиенко 1994 — *Мокиенко В. М.* Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // *Russistik*. 1994. № 1–2. С. 50–73.
- Сергиенко 2018 — *Сергиенко Н. В.* Фоно-графические эвфемизмы в современном английском языке // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 6 (73). С. 669–671.
- Слышкин 1999 — *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: Дис. ... канд. филол. наук / Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград, 1999.
- Успенский 1996 — *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература: Сб. ст.* / Сост. Н. Богомолов. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1996. С. 9–107.
- Шульгина 2020 — *Шульгина К. В.* Способы и проблемы фиксации ненормативной лексики в протоколе допроса // *Юрислингвистика*. № 17 (28). 2020. С. 8–11. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)1702](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)1702).
- Яковенко 2000 — *Яковенко И. Г.* Ненормативный анекдот как моделирующая система // *Новое литературное обозрение*. 2000. № 3 (43). С. 335–346.

References

- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (2015). Evfemizatsiia vo frazeologii [Euphemization in phraseology]. In L. L. Fedorova (Ed.), *Khvala i khula v iazyke i kommunikatsii: sbornik statei* (pp. 187–196). Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. (In Russian).
- Dobrova, M. (2019). *Russkie frazeologizmy v internet-diskurse: funktsional'nyi aspekt* [Russian phraseological units in internet discourse: functional aspect]. Univerzita Palackeho v Olomouci. (In Russian).
- Dobrova, M. S. (2021). Frazeologicheskie disfemizmy i evfemizmy v russkoiazychnom internet-diskurse [Phraseological dysphemisms and euphemisms in Russian-language Internet discourse]. *Rossica Olomucensia*, 60(2), 33–46. (In Russian).
- Ermakova, A. V. (2001). Russkii mat kak fenomen kul'tury [Russian profanity as a cultural phenomenon]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2001(3), 104–112. (In Russian).
- Golev, N. D. (2005). Obsennaia leksika v igrovom aspekte (na materiale russkogo lingvisticheskogo fol'klora) [The obscene lexicon in the game dimension (on the material of Russian linguistic folklore)]. In N. D. Golev (Ed.), *Jurilingvistika-6: Invektivnoe i manipulativnoe funkcionirovanie iazyka: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei* (pp. 185–223). Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian).
- Guseinov, G. (2005). Berloga vebloga. Vvedenie v erraticheskuiu semantiku [The den of a weblog. Introduction to erratic semantics]. *Speakrus.ru*. http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm. (In Russian).
- Iakovenko, I. G. (2000). Nenormativnyi anekdot kak modeliruiushchaia sistema [Non-normative anecdote as a modelling system]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2000(3, no. 43), 335–346. (In Russian).
- Maksimova, N. V., & Vysotskaia, I. V. (2023). Obsennaia rech' v sovremennoi kommunikativnoi situatsii [Obscene speech in the modern communication]. *Kommunikativnye issledovaniia*, 10(2), 239–252. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10\(2\).239-252](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10(2).239-252). (In Russian).
- Mikhailin, V. Iu. (2000). Russkii mat kak muzhskoi obsennyi kod: problema proiskhozhdeniia i evoliutsiia statusa [Russian profanity as a masculine obscene code: the problem of origin and evolution of status]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2000(3, no. 43), 347–393. (In Russian).
- Mokienko, V. M. (1994). Russkaia brannaia leksika: tsenzurnoe i netsenzurnoe [Russian profanity lexicon: censorship and non-censorship]. *Russistik*, 1994(1–2), 50–73. (In Russian).

- Sergienko, N. V. (2018). Fono-graficheskie evfemizmy v sovremennom angliiskom iazyke [Phono-graphic euphemisms in modern English]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 2008(6, no. 73), 669–671. (In Russian).
- Shulgina, K.V. (2020). Sposoby i problemy fiksatsii nenormativnoi leksiki v protokole doprosa [Issues and ways of recording obscenities in transcript of interrogation]. *Iurislingvistika*, 17 (no. 28), 8–11. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)1702](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)1702). (In Russian).
- Slyshkin, G. G. (1999). *Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov* [Linguocultural concepts of precedent texts] (Cand. Sci. (Philology) Diss., Volgograd State Pedagogical University). (In Russian).
- Uspenskij, B. A. (1996). Mifologicheskii aspekt russkoi ekspressivnoi frazeologii [Mythological aspect of Russian expressive phraseology]. In N. Bogomolov (Ed.). *Anti-mir russkoi kul'tury: Iazyk. Fol'klor. Literatura: Sbornik statei* (pp. 9–107). Nauchno-izdatel'skii tsentr “Ladimir”. (In Russian).
- Zhel'vis, V. I. (1997). *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naiia problema* [The field of profanity: Swearing as a social problem]. Nauchno-izdatel'skii tsentr “Ladimir”. (In Russian).

Информация об авторе

Мария Сергеевна Доброва

PhD, Mgr. et Mgr.

ассоциированный профессор, кафедра славистики, Университет

и.м. Ф. Палацкого

Czech Republic, 779 00, Olomouc,

Křížkovského, 511/8

✉ *mar1006@yandex.ru*

Information about the author

Mariia Sergeevna Dobrova

PhD, Mgr. et Mgr.

Associate Professor, Department of Slavic Studies, F. Palacky University

Czech Republic, 779 00, Olomouc,

Křížkovského, 511/8

✉ *mar1006@yandex.ru*